

Предисловие О ДУРАЦКИХ ВОПРОСАХ

Кто выиграл Вторую мировую войну?
Дурацкий вопрос.

Всем понятно, что мы. Не Гитлер же!

Но кто такие эти «мы»?

И вот тут ответы могут быть самые разные. Конечно же, самый точный и правильный из них — Антигитлеровская коалиция, в состав которой входили десятки государств. А самыми главными из них были Советский Союз, Соединенные Штаты Америки и Великобритания — так называемая «Большая тройка». Вот так, все вместе, мы и раздавили самое страшное зло в истории человечества.

Ответ этот очень хорош. Проблема только в том, что он перестал устраивать многих уже вскоре после того, как отгремели залпы победных салютов. Каждая сторона стала тянуть одеяло на себя, утверждая, что именно и только она всерьез боролась с Гитлером, а

★ АЛЕКСАНДР КЛИНГЕ

остальные — так, рядом постояли. Более того, эти, которые рядом постояли, еще и существенно помогли Гитлеру развязать войну. «Мы» предьявляли «им» политику «умиротворения», Мюнхенский договор, полное нежелание вести какие-либо серьезные переговоры летом 1939 года и «странную войну». «Они» в долгу не оставались, предьявляя нам секретное военное сотрудничество с немцами в годы Веймарской республики и пресловутые секретные протоколы к пакту Молотова—Риббентропа.

Наверное, в годы начавшейся «холодной войны» — глобального противостояния двух блоков — иначе и быть не могло. В результате по обе стороны «железного занавеса» были написаны две совершенно разные истории войны. А правильнее сказать, даже не истории, а легенды.

Но прошло время, «железный занавес» рухнул, и вместе с потоками шоколадных батончиков в ярких упаковках и подержанных иномарок на пространство бывшего Советского Союза хлынули созданные на Западе легенды. И началась битва между двумя образами — образом великой страны и армии, сломивших хребет фашистскому зверю, и образом восточной деспотии, которая продержалась только благодаря помощи союзников, а победила только благодаря ошибкам немцев.

А что думает народ? Наши сограждане на редкость единодушны. По данным проведенного в 2010 году Всероссийским центром изучения общественного

Кто выиграл Вторую мировую войну? ★

мнения (ВЦИОМ) опроса, 91% полагает, что решающий вклад в победу антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне внес именно СССР. В то же время нельзя не отметить, что среди старших возрастов доля ответивших именно так выше, а среди молодежи, наоборот, меньше. Интересные тенденции показывают также регулярные опросы, проводимые «Левада-центром». Так, на вопрос, смог бы Советский Союз победить в одиночку или нет, в 2001 году положительно отвечал 71% опрошенных, в 2010 году — только 57%. В 2005 году 28% опрошенных считали, что пакт Молотова—Риббентропа развязал руки Гитлеру, позволив начать войну, к 2010 году эта цифра выросла до 33%.

Получается, что образ Советского Союза как главного борца с гитлеровской Германией потихоньку тускнеет. Стоит ли говорить, что в США ситуация противоположная: уверенность в том, что именно западные союзники внесли решающий вклад, несколько не уменьшается. Симптоматично, что советский исторический сериал о Великой Отечественной получил в свое время на Западе название «Неизвестная война». Там по-прежнему считают, что Эль-Аламейн был гораздо важнее Сталинграда, а массированные бомбардировки подорвали мощь Третьего рейха в большей мере, чем сотни перемолотых на Восточном фронте дивизий.

Самое интересное, что в России в последние годы все чаще и громче звучат голоса, призывающие нас

★ АЛЕКСАНДР КЛИНГЕ

«сказать правду и осознать свое второстепенное место в мировой истории того времени» — именно так завершается один популярный в Интернете текст, посвященный сравнению вклада разных стран в победу над нацизмом. Так кто же прав? Неужели нам и правда надо отойти на задний план?

Разобраться в этом вопросе по-настоящему сложно. Во-первых, потому, что Победа действительно была одержана совместными усилиями и разделить их очень непросто. Во-вторых, история не знает сослагательного наклонения, и очень трудно судить о том, как бы выглядела ситуация на советско-германском фронте без ленд-лиза — или о том, что бы ожидало США, если бы СССР проиграл войну осенью 1941 года. В-третьих, потому, что вклад союзников в общее дело был очень разным. Как приводить к общему знаменателю уничтоженные самоходные орудия и потопленные субмарины, поставленную нефть и пролитую кровь?

И тем не менее мы попытаемся ответить на этот вопрос. Попытаемся потому, что на смену легендам должны когда-нибудь прийти трезвые и объективные оценки. Потому что для того, чтобы строить будущее, нам надо понять наше прошлое — понять без лишнего самовосхваления, но и без самобичевания на равном месте.

Для того чтобы ответить на главный вопрос, нам придется затронуть еще ряд тем. В частности, проблему ответственности за развязывание Второй ми-

Кто выиграл Вторую мировую войну? ★

ровой войны, а также вопрос о том, с каким противником в действительности воевали советские войска. Поговорить и о ленд-лизе, и о пресловутом Втором фронте. Ну и, наконец, оценить итоги войны. Потому что, как известно, выиграть войну — это одно, а выиграть мир — совсем другое.

Глава 1

КТО (БОЛЬШЕ) ВИНОВАТ?

В советское время непререкаемой истиной считался тезис о том, что руководство СССР совершенно не виновато в начале Второй мировой войны. Более того, оно старалось всеми силами ее предотвратить. Но империалистические державы не хотели идти на союз с социалистическим государством. Совсем наоборот, они хотели натравить Гитлера на Советский Союз.

Разумеется, на Западе точка зрения была абсолютно иной. О политике «умиротворения» там говорили мало и неохотно, зато пакт о ненападении 1939 года склоняли на все лады. Дескать, именно подписав договор с Гитлером («сделку с дьяволом»), Сталин развязал нацистам руки и позволил начать Вторую мировую войну.

Чтобы понять, как все обстояло в действительности, нужно «отмотать пленку назад» и вернуть-

ся во времена Первой мировой войны, а точнее, в 1917 год. Именно в этом году Россия фактически не смогла продолжать участвовать в общеевропейской бойне.

Надо сказать, что усталость от войны к этому моменту накопилась во всех воюющих державах без исключения. Люди не понимали, ради чего они должны терпеть лишения, становиться калеками и погибать. Было непонятно, почему война — вопреки всем обещаниям политиков и генералов — тянется так долго и конца ее до сих пор не видно. Во Франции солдаты отказывались идти в атаку; в Германии внутри страны поднималась волна стачек на заводах. Австро-Венгрия вообще балансировала на грани краха и распада. Но именно Россия оказалась самым слабым звеном — ее экономика попросту не выдержала огромного напряжения военных лет.

После развала Советского Союза стало модно вспоминать о «России, которую мы потеряли», и говорить о том, что в нашем тогдашнем поражении виноваты большевики. Впрочем, легенды о том, что «мы бы их по стенке размазали, если бы нас под руку не толкали», характерны для всех проигравших. В той же Германии многие годы после Первой мировой войны пользовалась бешеной популярностью легенда об «ударе кинжалом в спину» — дескать, наша армия была не сломлена, и только предатели-социалисты в тылу нанесли ей смертельную рану. Россия здесь не исключение. В реальности нужно помнить о том, что

★ АЛЕКСАНДР КЛИНГЕ

большевики в начале 1917 года были сравнительно небольшой группой и оказать решающее воздействие на настроения миллионов людей на фронте и в тылу никак не могли.

В феврале 1917 года свергают царя, и вставшее во главе страны Временное правительство пытается стабилизировать ситуацию. Однако под давлением союзников новые власти решают продолжать войну. Это вызвало разочарование и возмущение у множества людей как на фронте, так и в тылу. Отказ выйти из войны становится одной из важнейших причин того, что Временное правительство так и не сумело взять ситуацию в стране под контроль. Политический и экономический кризис стремительно углублялся. Армия утратила практически всякую боеспособность. В этой ситуации, когда большевики взяли власть в октябре 1917 года, практически никто не вступился за свергнутых «временных».

Новое правительство во главе с Лениным прекрасно понимало, до какой степени люди устали от войны. Большевикам было очевидно, что, если они попробуют продолжать войну, их очень скоро постигнет та же участь, что и свергнутое ими Временное правительство. Этого, естественно, никто не хотел. Одним из первых документов советской эпохи становится «Декрет о мире», в котором новая власть призвала все воюющие стороны немедленно начать переговоры о мире без аннексий и контрибуций.

Германское руководство, естественно, с радостью приступило к переговорам о мире. Проходили они непросто и закончились в марте 1918 года подписанием печально известного Брестского мира. Его условия были очень тяжелыми для России, терявшей огромные территории. Даже Ленин, выступавший за подписание договора, назвал его «похабным».

Впрочем, расчет Ленина был прост. Он не рассматривал Брестский мир как долговременную конструкцию. Большевики полагали, что революция в России и общая усталость от войны вызовут волну революций по всей Европе, в результате которой все ранее заключенные соглашения станут историей. Забегая вперед, нужно сказать, что в общем и целом этот расчет оправдался. Брестский мир действительно не просуществовал и года, и уже в ноябре Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет аннулировал его.

Связано это было с поражением Германии и произошедшей в ней революцией. Легенда о том, что первое стало следствием второго, давно развенчана. Германское верховное командование уже в начале осени признало, что война проиграна и необходимо заключать мир. Германская армия все еще стояла на вражеской земле, но была не способна ни к наступательным действиям, ни к длительному сопротивлению превосходящим силам противника. Это был конец, и уполномоченные по заключению перемирия

★ АЛЕКСАНДР КЛИНГЕ

были направлены еще до того, как страну охватила Ноябрьская революция.

11 ноября было подписано Компьенское перемирие, а в начале следующего года в Париже открылись заседания мирной конференции. Немцев и их союзников туда не допустили. Победители решили сначала согласовать условия мирного договора между собой, а затем в ультимативном порядке предъявить их побежденным. Надо сказать, что этот подход шокировал немцев. В Германии искренне рассчитывали, что революция и свержение монархии стали своеобразным «искуплением грехов» и новая власть не понесет ответственности за преступления старой элиты. Однако все оказалось не так. Победителям, в первую очередь французам, было все равно, кто стоит у руля в Германии; их задача заключалась в том, чтобы наказать зачинщиков войны и не допустить развязывания новой. Поэтому предъявленные германской стороне в конце весны 1919 года условия мира оказались весьма жесткими. Помимо потери целого ряда территорий на севере, западе и востоке, Германия должна была выплачивать огромные репарации, ограничить размер своих вооруженных сил, сделав их чисто символическими, и признать свою единоличную вину за развязывание войны. В общем, платить и каяться.

Воздействие этих процессов на немецкое общество той эпохи сложно переоценить. Пожалуй, если все немцы в 1920-е годы были в чем-то едины, то в не-

ненависти к Версальскому мирному договору. Причем больше всего немцев возмущала не содержательная сторона документа, не конкретные условия, а именно их нарочито унижительный для побежденных характер. Эта ненависть подсознательно переносилась и на «нелюбимую» республику, вынужденную подписать этот мир. Ноябрьская революция в массовом сознании тесно переплеталась с поражением в войне. Этой ненавистью активно пользовались противники республики всех мастей, в числе которых был и Гитлер. В определенном смысле можно сказать, что Версальский договор в том виде, в котором он появился на свет, стал одной из важнейших предпосылок дальнейшего прихода Гитлера к власти.

Представителей России тоже не пригласили в Париж. Отчасти это было понятно — вставал вопрос, а кого, собственно говоря, считать представителем России? В стране начиналась Гражданская война, и ни белые, ни красные не могли претендовать на то, чтобы говорить от имени всего народа. К тому же с конца 1917 года полным ходом шла иностранная интервенция. Страны Антанты — Великобритания, Франция, Япония, США — отправили свои контингенты в Россию, чтобы защищать свои интересы. Эти интересы в значительной степени совпадали с интересами Белого движения. Не случайно Уинстон Черчилль в книге «Мировой кризис» написал: «Было бы ошибочно думать, что в течение всего этого года мы сражались на фронтах за дело враждебных больше-

★ АЛЕКСАНДР КЛИНГЕ

викам русских. Напротив того, русские белогвардейцы сражались за наше дело».

Хотя масштабы прямой интервенции, а также объем материальной помощи, оказанной белым, были довольно скромными и не сыграли решающей роли в Гражданской войне, сам факт вмешательства Антанты задал тон последующим отношениям большевистского руководства с Западом. С тех пор главной угрозой в Москве считали новую интервенцию, «крестовый поход» объединенных капиталистических держав против молодого советского государства. Тем более что недостатка в голосах, призывавших к такому походу, в тогдашней Европе не было. Соответственно и основная цель советской дипломатии заключалась в том, чтобы не допустить складывания единого империалистического фронта и новой интервенции. В качестве главного противника и возможного организатора «крестового похода» рассматривалась в первую очередь Великобритания.

Таким образом, и Россия, и Германия по результатам Первой мировой войны оказались в стане проигравших. Они были фактически исключены из новой системы международных отношений, где правила бал Париж и Лондон. Русских и немцев называли «париями Версаля». Естественно, это стало мощным стимулом к тому, чтобы объединить свои усилия. Укрепление отношений двух стран позволяло обоим выйти из внешнеполитической изоляции, усилить свои позиции на мировой арене.

Помимо этого, в начале 1920-х годов была масса сугубо практических соображений, толкавших стороны к сотрудничеству. Германские военные считали, что помощь России совершенно необходима в борьбе против общего врага — Польши. Польское государство в результате Версальского мира получило обширные территории с немецким населением, а в результате советско-польской войны 1920—1921 годов — большие куски украинских и белорусских земель. Таким образом, и в Берлине, и в Москве Польшу считали одним из главных врагов. А общий враг — лучший стимул для дружбы.

Лучший, но не единственный. Еще одним важным фактором стали экономические соображения. И Россия, и Германия были фактически отрезаны победителями от мировой торговли. Между тем обе страны отчаянно нуждались в возобновлении внешнеэкономических связей. Восстановление российско-германской торговли позволяло решить эту проблему.

Конечно, у власти в России стояли красные, грозившие зажечь во всем мире революционный пожар. В Германии это многих смущало. Однако как раз представители консервативной военной и бюрократической элиты Веймарской республики (так стали неофициально называть новую Германию) не видели в этом ничего страшного. Они принимали в расчет сугубо практические соображения. Кто бы ни стоял у власти в России, Москва является в данный момент ценным союзником. А уж о том, чтобы не допустить

★ АЛЕКСАНДР КЛИНГЕ

новой революции у нас, мы уж как-нибудь сами позаботимся. Идеологические разногласия играли — и будут играть — в отношениях двух стран скорее подчиненную роль.

В апреле 1922 года был подписан знаменитый Рапалльский договор, новость о котором прогремела по всей Европе как удар грома. Две «парии Версаля» сговорились под самым носом у победителей — на Генуэзской конференции, устроенной ради того, чтобы обсудить экономические проблемы Европы, а заодно получить побольше денег с немцев и русских. Да еще и на каких условиях сговорились — полный отказ от взаимных претензий, восстановление дипломатических и экономических отношений без всяких предварительных условий! В Лондоне и Париже пришли в ярость. К слову сказать, многие германские политики, в том числе и министр иностранных дел Вальтер Ратенау, предвидели эту реакцию и потому очень скептически относились к сближению с Россией. Однако лучшего варианта у Веймарской республики в той ситуации просто не было.

Тогда же, в начале 1920-х годов, стартовало строго секретное тогда и широко известное ныне секретное сотрудничество между Красной Армией и рейхсвером. Как и российско-германские отношения в целом, оно было взаимовыгодно. Немцы получали возможность испытывать новые виды вооружений (авиацию, танки, химическое оружие), запрещенные для них согласно Версальскому договору, и обучать

обращению с ними своих солдат. Советская сторона получала доступ к германским техническим и военным достижениям, а также обучала своих военнослужащих работе с новой техникой под руководством лучших солдат мира.

В 1990-е годы это сотрудничество попадет под мощный огонь критики в российской публицистике. Дескать, советское руководство твердило о миролюбии, а само в обход Версальского договора помогало немцам вооружаться! Выпустили даже книгу под громким названием «Фашистский меч ковался в СССР». Взглянет человек на обложку — и все понятно: вот кто, оказывается, вооружал Гитлера! Сами, значит, в своих бедах целиком виноваты!

Эпоха национального самобичевания, слава богу, пока миновала, и можно взглянуть на вещи трезво. Во-первых, ни в Германии, ни в Советском Союзе начала двадцатых годов не могли предвидеть, что Гитлер придет к власти и германская армия станет его инструментом. Для обеих сторон, как уже сказано выше, сотрудничество было взаимовыгодным. В частности, СССР не только получал военные знания и технологии, но и укреплял дружественные отношения с одной из ведущих европейских стран, тем самым вбивая клин в возможный единый антисоветский фронт империалистических держав. Надо сказать, что в течение всех 1920-х годов продолжалась «борьба за Германию» между странами Антанты и Советским Союзом. Каждая из сторон стремилась

★ АЛЕКСАНДР КЛИНГЕ

на случай будущего конфликта перетянуть немцев на свою сторону. Надо сказать, что германские дипломаты, которыми в те годы руководил умный и реалистично мыслящий политик Густав Штреземанн, умело использовали все выгоды этой ситуации, лавируя между Западом и Востоком. Втянуть в какую-либо антисоветскую коалицию немцы себя не давали и даже при вступлении в Лигу Наций особо оговорили, что не собираются принимать участие в коллективных санкциях, направленных против Советского Союза.

Во-вторых, советское руководство никоим образом не должно было учитывать в своей деятельности Версальский договор. То, что немцы его нарушали, было проблемой стран, разработавших и подписавших это соглашение, а не Советского Союза. Быть святее папы римского являлось бы со стороны большевиков непростительной глупостью. Потому что сотрудничество с немцами приносило очень высокие дивиденды. В первой половине 1920-х годов германская сторона организовала на советской территории строительство авиационного и химического заводов, модернизировала наши производственные мощности по выпуску боеприпасов. Хотя больших объемов производства добиться по ряду причин не удалось, все эти объекты в дальнейшем, уже став полностью советскими, сыграли огромную роль в становлении отечественного военно-промышленного комплекса.

С середины 1920-х годов началось активное сотрудничество в сфере военного обучения. В Липецке открывается летное училище, в Казани — танковая школа, в Саратовской области — химический объект «Томка». Нужно подчеркнуть, что строительство велось в первую очередь на немецкие деньги. С этими учебными заведениями связано огромное количество мифов. Утверждается, что едва ли не вся военная элита Третьего рейха (включая, например, Гейнца Гудериана) проходила здесь обучение. Это, конечно же, сказки — в Липецкой школе было подготовлено менее 300 немецких летчиков и летчиков-наблюдателей, в Казанской — и вовсе жалкие крохи, около 30 танкистов, среди которых никогда не было Гудериана. Стоит ли упоминать о том, что в начале 30-х годов, после прекращения сотрудничества, все эти объекты, выстроенные на немецкие деньги и оснащенные немецкой техникой, превратились в советские «кузницы кадров»?

Таким образом, как справедливо замечает Игорь Пыхалов, правильнее было бы говорить о том, что «советский меч ковался в Германии». В любом случае военное сотрудничество РККА и рейхсвера никак не повлияло на приход к власти Гитлера и последующее развязывание им мировой войны.

Однако у обличителей «преступного сталинского руководства» имеется в рукаве еще один козырь. Это тезис, который формулируется примерно так: «Запретив германским коммунистам сотрудничать с

★ АЛЕКСАНДР КЛИНГЕ

социал-демократами, советские руководители тем самым не позволили создать единый фронт, который остановил бы Гитлера». Перед мысленным взором читателя сразу пробегают картины — социал-демократы умоляют коммунистов о союзе, те плачут, но не могут согласиться, поскольку затылок им холодят стволы винтовок сталинских палачей. В реальности все выглядело совершенно иначе.

Отношения между двумя германскими левыми партиями — КПГ и СДПГ — носили очень сложный характер. Надо сказать, что среди политических сил Веймарской республики именно социал-демократы были едва ли самыми враждебными Советскому Союзу. В большевиках они видели еретиков, опасных и безответственных радикалов, которые своим террором и подрывной деятельностью только компрометируют вполне уважаемую социал-демократическую идею. Соответственно и к компартии, которую (отчасти вполне справедливо) считали «рукой Москвы», относились негативно. Кроме того, обе партии конкурировали за одну и ту же группу избирателей — городской рабочий класс, — что явно не улучшало их отношений. Поэтому раздор между коммунистами и социал-демократами объясняется не только и не столько вмешательством Сталина и Коминтерна, сколько сугубо внутренними причинами.

Но представим себе, что партии преодолели свои разногласия и договорились о сотрудничестве. Что в таком случае произойдет? Во-первых, возникает се-

рзкая угроза раскола СДПГ и сужения ее электоральной базы. Благодаря своему дистанцированию от радикалов немецкие социал-демократы смогли привлечь в свои ряды множество людей с умеренными взглядами, для которых союз с коммунистами был совершенно неприемлем. Однако это были еще цветочки; заключив союз с КПГ, лидерам социал-демократии пришлось бы полностью отказаться от сотрудничества с партиями буржуазного центра, которому они придавали большое значение.

В свою очередь, и среди коммунистов и их избирателей было немало тех, кто воспринимал социал-демократов как «системную» партию и возражал против союза с ними. Стоит напомнить, что после прихода Гитлера к власти многие избиратели и даже члены КПГ перешли под его знамена. Их называли «бифштексами» — «снаружи коричневые, внутри красные». Объясняется это не близким родством коммунизма и нацизма (как любили утверждать на Западе в годы «холодной войны» и позднее), а тем, что обе партии мобилизовали протестный, антисистемный электорат, которому было все равно, за кого голосовать, лишь бы они выступали за радикальные изменения существующей системы. Союз с социал-демократами наверняка заставил бы часть этого электората отвернуться от коммунистов.

Но допустим даже, что ни одна из двух партий не понесла бы от такого союза никаких потерь и все избиратели дружным строем отправились бы вслед

★ АЛЕКСАНДР КЛИНГЕ

за своими вождями. Тем самым мы уже входим в область практически невероятного, но давайте доведем наш мысленный эксперимент до полного завершения. Для этого нам потребуются лишь небольшие знания арифметики.

Угроза прихода нацистов к власти стала актуальной в 1930 году, когда на парламентских выборах они неожиданно даже для самих себя набрали 18,3% голосов и получили 107 мандатов. КПГ на этих выборах получила 13,1% голосов, СДПГ — 24,5%. Вместе они, таким образом, не набирали и 40% голосов избирателей. До абсолютного большинства не хватало еще очень многого.

Следующие выборы состоялись в июле 1932 года. На них НСДАП добилась оглушительного успеха, став самой сильной партией страны — 37,4% голосов! КПГ смогла немного увеличить ряды своих сторонников — до 14,6%. СДПГ, наоборот, проиграла — 21,6%. Сказалась репутация «системной» партии. Если сложить результаты, получится 35,2% — меньше, чем у НСДАП.

Политический кризис углублялся, и в ноябре того же года были проведены новые выборы. На них нацисты понесли некоторые потери — доля их электората снизилась до 33,1% — однако сохранили за собой положение сильнейшей партии. КПГ получила 16,9% голосов, СДПГ — 20,4%, вместе — 37,3%.

Какова итоговая картина? Даже при самом благоприятном раскладе доля двух левых партий вместе

взятых в германском парламенте колебалась в рамках 35—40%. До абсолютного большинства оставался еще долгий путь. К тому же весьма вероятно, что формирование «левого блока» не затруднило, а облегчило бы Гитлеру приход к власти. Как известно, назначение нацистского фюрера главой правительства лоббировали группировки консервативной политической элиты и большого бизнеса, напуганные «красной угрозой».

Теперь зададим обратный вопрос — какую роль в приходе Гитлера к власти сыграли будущие западные союзники по антигитлеровской коалиции? Есть люди, считающие, что эта роль была абсолютной. Например, Гвидо Джакомо Препарата написал целую книгу под названием «Гитлер, Inc. Как Британия и США создавали Третий рейх». Правда, не найдя для своей теории достаточного количества доказательств, синьор Препарата широко применяет аргументы из арсенала теории заговора, сомнительные факты и натянутые выводы. С тем же успехом можно доказывать, что Гитлер был плодом древней магии жрецов Амона. Поэтому вернемся к более серьезным исследованиям.

В советское время всячески подчеркивалась роль в успехе национал-социалистов крупного капитала, финансировавшего Гитлера. Действительно, пожертвования в фонд НСДАП со стороны большого бизнеса были существенными. После выборов 1930 года субсидии со стороны крупной промыш-

★ АЛЕКСАНДР КЛИНГЕ

ленности начинают широкой рекой течь в кассу партии. Флик, Шредер, Тиссен, Шахт — вот далеко не полный список магнатов, которые начинают вкладывать деньги в Гитлера. С этого момента отношения между НСДАП и большим бизнесом начинают развиваться, так сказать, по восходящей спирали — чем большие субсидии получают нацисты, тем легче им вести предвыборную борьбу и привлекать голоса избирателей; чем больше людей привлечет под свои знамена партия, тем более привлекательным «объектом инвестиций» она становится в глазах предпринимателей. Еще с января 1930 года по инициативе Кирдорфа, который распорядился фондами Союза горнорудных и стальных предпринимателей, так называемым «Рурским сокровищем», в пользу гитлеровской партии начали отчисляться по 5 пфеннигов с каждой проданной тонны угля. В год это составляло 6 миллионов марок. Рейнско-вестфальская промышленная группа перечислила в кассу НСДАП за 1931—1932 годы не менее миллиона марок.

Весной 1932 года сторонники Гитлера из числа «капитанов экономики» объединяются в рамках так называемого «кружка Кеплера» (позднее он станет известен под именем «общества друзей Гимmlера»). Цель создания кружка — не только финансирование нацистской партии, но и контроль над ее экономической программой. Гитлер, впрочем, был совсем не против пойти навстречу пожеланиям своих спонсо-

ров, о чем вполне недвусмысленно заявил на первом же заседании кружка.

Кроме того, немецкие промышленники оказывали и политическое давление на президента Гинденбурга. Особенно важную роль сыграла петиция, поступившая 19 ноября в канцелярию президента и подписанная такими ключевыми фигурами немецкой экономики, как Тиссен, Шредер, Шахт, директор «Коммерцбанк» Рейнхарт, монополист калийного производства Ростерг, председатель союза юнкеров «Ландбунд» Калькрейт и многие другие. Петиция содержала требование передать «крупнейшей группе национального движения руководящее участие в правительстве».

Часть крупных корпораций, поддерживавших Гитлера, в той или иной степени принадлежала иностранным, в первую очередь американским, компаниям. Можно ли на этом основании утверждать, что «США финансировали приход нацистов к власти»? С очень большими оговорками. Во-первых, лидирующую роль играли все-таки капитаны немецкой экономики. Во-вторых, следует проводить границу между бизнесом частных корпораций и государственной политикой.

Означает ли это, что западные державы ни в малейшей степени не виноваты в приходе нацистов к власти? Сложный вопрос. С одной стороны, прямой поддержки от англичан, французов или американцев Гитлер не получал. С другой — именно детище

★ АЛЕКСАНДР КЛИНГЕ

Антанты, Версальский мирный договор, создал те рамочные условия, в которых оказался возможен оглушительный успех НСДАП. Возмущение унижительными условиями мира, недоверие к республиканским институтам, усталость от экономической нестабильности — эти плоды Версаля способствовали оглушительному успеху Гитлера у немецкого избирателя. В то же время нужно оговориться, что Версальский мир сам по себе еще не делал неизбежным приход нацистов к власти. Гитлер занял пост канцлера благодаря сочетанию большого количества самых различных факторов.

Итак, в январе 1933-го началась история Третьего рейха. Первые годы нового режима стали временем оглушительных внешнеполитических успехов. К весне 1939 года Гитлеру удалось воссоздать сильную армию, а под его контролем находилась территория большая, чем у германского кайзера в 1914 году. Как же получилось, что побежденная, скованная множеством ограничений страна смогла за короткий срок превратиться в могучего противника? И, если уж на то пошло, кто это допустил?

В советское время на эти вопросы давался простой ответ: западные державы. Часто можно было прочесть, что советская держава с момента прихода Гитлера к власти порвала с Германией всяческие отношения и неустанно работала над созданием системы коллективной безопасности, которая смогла бы сохранить мир в Европе. Эта работа не увенчалась

успехом — целиком и полностью по вине западных держав, которые проводили политику «умиротворения». Цель этой политики была проста — натравить Гитлера на СССР и уничтожить его руками социалистическое государство. Но советское руководство не сдавалось и продолжало упорно призывать страны Западной Европы к сотрудничеству. Только оказавшись в безвыходной ситуации, Сталин вынужден был подписать пакт с Гитлером, который позволил ему избежать вступления во Вторую мировую войну.

Противопоставить этой картине равную по убедительности западная историческая наука не смогла. Действительно, обнаружить какую-либо ответственность СССР за аншлюс Австрии или ввод немецких войск в Чехию невозможно даже при большом желании. Поэтому наши бывшие союзники делали основную ставку на осуждение пакта Молотова—Риббентропа. В созданной ими картине получалось, что до заключения этого пакта Третий рейх был не слишком опасен, и только злополучный договор толкнул его на войну. С особым пристрастием смаковались подробности секретных протоколов, которые расценивались как раздел Восточной Европы двумя диктаторами, один из которых ничем не лучше другого. Попробуем же разобраться, где здесь правда, а где вымысел. Для этого нам придется рассмотреть несколько сюжетов.

Первый из них — это планы Гитлера. Какова была его реальная внешнеполитическая программа? Ответить на этот вопрос не так-то просто. Дело в том, что

★ АЛЕКСАНДР КЛИНГЕ

Гитлер не оставил дневников, практически не писал писем и меморандумов. В разговорах с различными людьми, в том числе с ближайшими сподвижниками, он мог говорить совершенно разные, порой прямо противоположные вещи. Определенное представление о планах Гитлера могут дать его произведения («Моя борьба» и вторая, оставшаяся при его жизни неопубликованной, книга), немногочисленные документы и выступления перед избранной аудиторией.

Анализируя эти тексты, можно сделать несколько выводов. Во-первых, главной целью германской политики Гитлер считал захват «жизненного пространства» на востоке Европы. Во-вторых, он считал неизбежной войну за европейскую гегемонию. Конфликт между славянами и германцами, по его мнению, был неотвратим. Этот конфликт, считал Гитлер, нельзя откладывать в долгий ящик, но к нему необходимо тщательно подготовиться. Лидер нацистов был умелым тактиком и был способен проводить достаточно гибкую политику. Каждый шаг на пути к своей цели он сочетал с уверениями в неизменном миролюбии рейха. Гитлер мог менять свои планы, сообразуясь с реальными обстоятельствами, и умело использовать противоречия между потенциальными противниками Германии. Несмотря на все тактические маневры, он никогда не упускал из виду главной цели. Поэтому можно сказать, что начать европейскую войну в подходящей ситуации он собирался с момента своего прихода к власти.

Однако перед нами стоит более важный вопрос — как получилось так, что ему удалось реализовать свои планы по подготовке к войне? И не просто реализовать, а весьма успешно? В какой мере этому способствовали (или, по крайней мере, не препятствовали) зарубежные державы?

Начнем с советской внешней политики. Скажем сразу: картина полного и принципиального разрыва Советского Союза с Германией сразу же после прихода Гитлера к власти не соответствует действительности. Разумеется, назначение канцлером главного врага коммунистов оказало большое влияние на отношения двух стран. Однако и политические, и экономические контакты продолжались. Советские дипломаты какое-то время надеялись, что с приходом Гитлера к власти советско-германские отношения существенным образом не изменятся. На XVII съезде ВКП(б) в январе 1934 года Сталин заявил: «Мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной».

Нацисты на первых порах поддерживали эти иллюзии. Разумеется, говорить о принципиальности советского подхода в данном случае не приходится, но принципиальность в дипломатии — качество весьма редкое в принципе. Демонстративно порвать с Германией значило бы, полагали в Москве, толкнуть страну в объятия западных держав. То есть сделать